

УДК 340.153+340.12

ББК 67 (2Рос=Калм)

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КАЛМЫКОВ В XVII–XVIII ВЕКАХ***Е. А. Команджаев*

Правовое сознание определяется в научной литературе как объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение обществ, групп, индивидов к праву и правовым явлениям в общественной жизни. Правосознание — это оценка права, существующая в сознании, формирующая мировоззрение человека и общества в целом, и в этом смысле оно представляет собой основу правовой жизни государственно-организованного общества. Оно появилось вместе с формированием государства и присуще любому обществу и индивиду. Правосознание оказывает активное воздействие на поведение членов общества, способствует консолидации граждан, поддержанию и укреплению правопорядка. Высокая степень правового сознания общества и уважение граждан к закону являются основой стабильности государства.

На формирование и развитие правосознания как одну из форм общественного сознания оказывают воздействие социально-политические, экономические и культурные факторы. Оно взаимодействует с моралью, культурой, религией и философией. Правосознание в то же время можно рассматривать как элемент культуры общества. Важные ценности правовой культуры можно найти в древнейших памятниках права, нормативно-правовых актах, которые представляют собой первые проявления правового сознания людей.

Правовые нормы оказывают воздействие на развитие правосознания населения, формирование обоснованных и справедливых суждений о субъективных правах и обязанностях. В то же время в разработке правовых актов большую роль играет массовое правосознание народа.

Сначала оно регулировалось правилами поведения, основанными на местных обычаях, которые существовали еще в догосударственном обществе. Преобразуясь в систему обычного права, правила родового общества существенно менялись, отражая

интересы государства и правящих социальных групп. Обычаи, санкционированные государством, становились правовыми обычаями, которые были широко распространены во времена рабовладельческого общества и раннего феодализма, о чем свидетельствуют некоторые законодательные акты, издававшиеся в XVII–XVIII вв.

С централизацией государственной власти и созданием крупного государства обычное право перестает действовать¹. Государство санкционирует те обычаи, которые отвечают его интересам, и они приобретают характер общеобязательных правил поведения. Не являются исключением здесь законодательные акты монгольских народов, в частности калмыцкого, которые выступали как основа формирования их правового сознания.

Почти все законы, существовавшие у монголов, происходили из народных обычаев, на что указывают китайские и мусульманские источники [Гурлянд 1904: 8]. У кочевых народов имелись две специфические черты в законах: 1) от наказания всегда, несмотря на его строгость, можно было откупиться штрафом, как правило, скотом; 2) разрешался самосуд в случае совершения преступления кем-либо из чужих. Подобного рода узаконенные обычаи встречаются у многих народов.

Во многом законотворческий опыт предшественников явился правовой основой создания Монгольской империи в начале XIII в. В 1206 г. на общем собрании князей Темучин (Темучзин) был объявлен императором под именем Чингис-хан, до которого существовало немало законодательных распоряжений, но немногие из них известны исследователям (преимущественно из летописей). Все эти правила были основаны на народных обычаях и сохранялись устно, поскольку у древних монголов отсутствовала письменность. Они и представляют собой

¹ В пределах, допускаемых государством, могут применяться лишь отдельные обычаи.

древний Ясак. По сообщениям персидских историков Монголии Джувейни и Хондемира, «все законы и постановления Чингис-хана собраны им и написаны в книгах, называющихся „великой Ясой“, но естественно <...> Чингис-хан никогда не решился бы обойти народный Ясак, который в действительности и служить основанием „великой Ясы“ Чингис-хана» [Гурлянд 1904: 14].

Таким образом, очевидно, что Чингис-хан собрал все имеющиеся до него устные законы, основанные на народных обычаях, дополнил и велел записать их. Это собрание законов и составило «Великую Ясу». Ясное представление об этом законодательном акте, к сожалению, получить невозможно, так как в полном виде он не сохранился. Об этом документе можно судить только по тем отрывкам, которые были приведены в разных исторических сочинениях. «Великая Яса» Чингис-хана, отражавшая особенности кочевой жизни и представлявшая собой сборник обычного права, должна была регулировать союзные отношения между различными племенами, а также содействовать их объединению и сплочению под единой властью хана. До 1640 г. у монголоязычных народов общественные отношения регулировались преимущественно правовыми обычаями, составлявшими устное обычное право, и некоторыми «писаными уголовными правилами» [Сергеев и др. 1998: 15]

Образование в конце XIV в. ойратского союза привело к необходимости создания общего свода законов, регулирующего отношения союзных племен. Академик П. С. Паллас относит древний «Цааджин Бичик» к законам монгольских народов, которые восходили к обычному праву калмыков [Сергеев и др. 1998: 5]. Профессор Ф. И. Леонтович считает, что древний монгольский устав появился в начальном периоде эпохи образования ойратского союза и символизировал собою политический компромисс, легший в основу союза четырех ойратских племен, подобно более позднему Своду законов «Цааджин Бичик» (1640), являвшемуся юридическим выражением более широкого союза монгольских племен.

К источникам законов 1640 г. Ф. И. Леонтович относит: а) «Великую Ясу» Чингис-хана начала XIII в.; б) «обычаи, присловья и изречения», приписываемые Чингис-хану и его преемникам; в) местные или малые ясы (древние уставы отдельных племен); г) Цааджин Бичик — племенной устав Зюнга-

рии эпохи дербен-ойратства (XV–XVI вв.); д) монгольские ярлыки и пайзэ XIII в. и последующих веков; е) каноническое право буддистов (с конца XVI в.) [Сергеев и др. 1998: 188].

Профессор К. Ф. Голстунский, напротив, считает, что ни «Великая Яса» Чингис-хана, ни пайзэ, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не были и не могли быть письменными источниками для законов 1640 г. Монголо-ойратские законы составлялись самостоятельно и имели своим источником: во-первых, устное обычное право, т. е. собрание народных обычаев; во-вторых, обстоятельства политического и социального положения монголов-ойратов в период времени, предшествовавший сейму; в-третьих, вероятно, религиозное движение, явившееся результатом распространения буддизма [Голстунский 1880: 10–12].

Я. И. Гурлянд также придерживается точки зрения К. Ф. Голстунского. Об этом свидетельствует, как считает Я. Гурлянд, сам текст уложения («князя сорока и четырех, положив начало Великое Уложение написали»). Существовало лишь обычное право, которое, возможно, и служило источником для Уложения, но его, по предположению Я. И. Гурлянда, князья не использовали, так как в этом отсутствовала необходимость, поскольку обычное право было им известно. Вместе с тем мы не разделяем точку зрения К. Ф. Голстунского об отсутствии всякого влияния яса на уложение 1640 г. Хотя о том, что монголо-ойраты XVII в. имели представление о ясах, не говорится, но, поскольку яса является продуктом обычного права и к тому же обычное право XIII и XVII вв. имеет очень много общего, то, следовательно, многие уложения-ясы были хорошо известны составителям уложения 1640 г. и были приняты ими во внимание при его составлении [Гурлянд 1904: 55].

Важнейшим источником законов 1640 г. было, по всей вероятности, обычное право монголов, о чем свидетельствует анализ содержания законов. Данные законы действовали почти во всех монгольских и ойратских княжествах. Калмыцкие нойоны долгое время руководствовались ими в судебной практике, несмотря на новые условия их жизни в составе России. Ф. И. Леонтович сообщает, что «монгольские племена исстари жили под исключительными определениями дружинно-родовых и теократических начал, в сильной степени квалифицировавших весь

их общественный быт. Под теми же квалификациями развивалось и их племенное право: правовые обычаи и законы явились у них <...> в виде заповедей высшего существа, переходивших в народное сознание, как веление племенных вождей... [у кочевников] между обычаем и законом собственно не могло быть большой разницы» [Леонтович 1879: 16].

Своеобразие законов 1640 г. объясняется социально-экономическим и политическим развитием монголо-ойратского общества XVII в., они полностью соответствовали потребностям того времени и интересам правящего класса. Все правовые идеалы монгольского средневекового общества нашли свое отражение в данных законах. Именно они стали основным источником для дальнейшего развития права у калмыков в XVIII и начале XIX вв.

Законодательство калмыков XVII–XVIII вв. регулировало общественные отношения в области заключения брака, наследования, усыновления, возмещения материального ущерба, обмена ценностями. Значительное число правовых норм было посвящено семейно-брачным отношениям. Кроме того, определенное внимание уделялось вопросам наследования, усыновления, удочерения. Следует отметить, что калмыки особое значение придавали созданию семьи и укреплению родственных отношений. Даже административно-территориальное деление строилось по родственному принципу.

Правотворчество калмыков периода феодализма всецело подчинялось нуждам кочевого общества, во многом оно было казуистично, поэтому некоторые понятия и конструкции не известны степному законодательству. При этом правовые нормы монголо-ойратских законов 1640 г. с большей долей условности можно разделить на отрасли.

В законах 1640 г. содержится значительная группа норм гражданско-правового характера, из которых прослеживаются обязательства по возмещению материального ущерба, вытекающие из правонарушений, компенсации за гибель людей и скота. Кроме того, многочисленны обязательства материального вознаграждения лиц, совершивших общественнополезные деяния, например тушение костра в покинутом кочевье, спасение имущества во время пожара² и т. д.

² Так, погасивший открытый очаг костра, оставленный в покинутом людьми кочевье, вознаграждался

Правовые нормы калмыков предусматривали материальное вознаграждение за содействие в раскрытии преступлений, изобличении преступника, а также за выступление в качестве свидетеля. Так, у калмыков особо поощрялись смелость и мужество тех, кто отправлялся в погоню за грабителями, напавшими на кочевье и угнавшими скот. В случае успеха воины награждались половиной отбитого скота. Если в бою воин убивал командира противника, то он получал его жену. Если удавалось сразить неприятеля, одетого в панцирь, то победитель имел право на его доспехи. Воины, помогавшие победителю в бою, также награждались доспехами убитых. Воин, спасший другого воина, получал две лошади и панцирь [Сергеев и др. 1998: 197]

Раскрытие преступлений, наказание виновных не только укрепляли силу и престиж нойона, но и его казну. Эффективная борьба с преступлениями была необходима для укрепления веры подданных во всемогущество государства и власти калмыцкой знати, поддержания ее авторитета. Поэтому, наряду с уголовной ответственностью за укрывательство преступлений, было предусмотрено материальное вознаграждение за содействие правосудию. Таким образом, в правосознание калмыцкого общества внедрялись идеи мирного общежития, взаимопомощи, соблюдения запретов и исполнения обязанностей.

Право калмыков XVII–XVIII вв. было обусловлено социально-экономическим и политическим строем, особенностями национальных, религиозных, нравственных взглядов калмыцкого общества, что было отмечено многими исследователями памятников калмыцкого права. Кочевое общество всегда подвергалось центробежным тенденциям и управлять им было гораздо сложнее, чем оседлым населением. Калмыки в давние времена занимались так называемым «хищничеством», т. е. нападали на соседей с целью угона скота, и это считалось проявлением храбрости и удалства. Общество боролось с калмыками, занимавшимися нападением на соседей с целью угона скота, пытаясь изменить сознание населения, хотя сделать это было достаточно трудно, так как сами феодалы организовывали своих подвластных для

овцой. Появление такого правила объясняется тем, что пожар являлся большой опасностью и для пастбищных угодий, и для людей.

нападений. К. И. Костенков писал, что «воинственный дух и страсть к удалству и молодечеству, выражаемые отгонами чужого скота, захватами и хищничеством, долгое время сохранялись в калмыцком народе» [Костенков 1870: 119]. Подобные действия вносили элементы беспорядка в общественные отношения, в систему управления и не способствовали укреплению законности. Поэтому монголо-ойратские законы 1640 г. большое внимание уделяли борьбе с грабежами и междуусобицами. Законы калмыцкого хана Дондук-Даши регламентировали ответственность калмыков за преступления против соседнего населения. Тем самым калмыцкое общество пыталось установить прочный правопорядок и привить законопослушание.

Все вышесказанное определяло роль права, формировало правовую систему и правовое сознание монгольских народов. Поэтому законодатели считали важным сохранение в народе древних обычаев и традиций. Законы предписывали всем без исключения подданным соблюдать нормы права, декларируя принцип справедливости. Бытовавшие в народе обычаи закреплялись в отдельных нормах. Разрешение феодальных междусобиц, вопросов укрепления воинской дисциплины, охраны имущества, пресечение угонов скота, регулирование права пользования пастбищами и другие социальные явления требовали правового закрепления. Совокупность добрых услуг и обязанность их материального вознаграждения также основывались на народных традициях, нравственности и сознании калмыков.

Кроме правовых норм, существовали другие правила морально-нравственного характера, и гуманное поведение всегда приветствовалось в калмыцком обществе, при этом в законодательстве отражались наиболее важные правила с точки зрения государства и общества. Так, например, вознаграждение предусматривалось за спа-

сение жизни и здоровья человека, имущества, скота во время пожаров, наводнений, а также за спасение от гибели в водоемах. Например, «кто спасет человека, долженствующего умереть от пожара или воды, тот имеет получить пять скотин. Кто, желая помочь другому, сам погибнет от пожара или воды, то (наследники погибшего) имеют получить девятку с ценною» [Сергеев и др. 1998: 36].

Таким образом, монголо-ойратские законы 1640 г. и народные обычаи в полной мере отражали правовое сознание населения, а также играли важную роль в формировании и коррекции этого правосознания. Воздействие норм права на общественное правосознание калмыцкого общества проявлялось в том, что юридические акты придавали обязательное значение тем правовым взглядам, которые зарождались в общественном сознании. Получив выражение в государственном правовом акте, взгляды, идеи обретали авторитет государственной воли, именно этот факт сыграл значительную роль в развитии правосознания калмыков XVII–XVIII вв.

Литература

- Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Тип. Императорского Казанского университета, 1904. 112 с.
- Сергеев В. С., Сергеев Б. В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XVIII вв. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований, 1998. 221 с.
- Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640, дополнительные указы Галдан Хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1880. 144 с.
- Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) / Записки Новороссийского университета. Т. XVIII. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879. 282 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [с карт. Калмыц. степи / сост. гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.